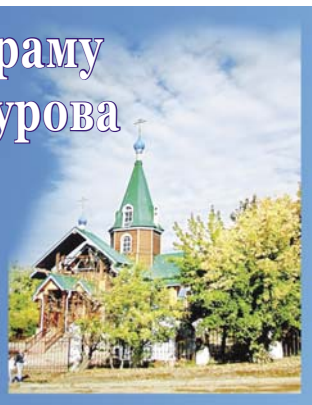

Путь к храму Ивана Гурова

ВЫСТАВОЧНЫЙ центр Виталия Роголя после новогодних праздников был переполнен. Здесь открылась персональная выставка фотожурналиста Ивана ГУРОВА «Святое дело». Вместе с автором проекта, журналисткой Ольгой Калинин и Ниной Алаксиной, он в фотографическом вернул Иркутску возрожденную Богородице-Казанскую церковь, Харлампиевский собор, неповторимую красоту Крестовоздвиженской церкви. Как отметили сами организаторы, эта выставка стала возможной благодаря руководству железной дороги, которое и выступило ее главным спонсором. Осветил выставку отец Александр.

Он стал заниматься фотографией, подобрали денег и купили камеру «Киев-4». Для пацана, которому в 1968 году исполнилось всего 13 лет, это очень крутой фотоаппарат, позволяющий получать снимки лучшего качества, чем с помощью простой «Смены». К тому же отец и дядя Георгий, шахтер из дочке, тоже немного увлеклись фотографией, и ему было на первых порах у кого перенять язык фотодела.

Благодаря природным данным Иван хорошо рисовал и начал даже хотеть поступать в художественное училище. Но постепенно тяга к фотоаппарату оказалась сильнее. Когда он еще учился в Баклашах, то уже тогда оформил стенды, и его первые фотографии долго служили школе. В институте народного хозяйства, где затем учился Гуров, ему опять здорово повезло с учителем – Александром Князевым. Тот до фанатизма любил фотодело и сумел привлечь ученику так же чувства, помог открыть тайны технической стороны фотостудии.

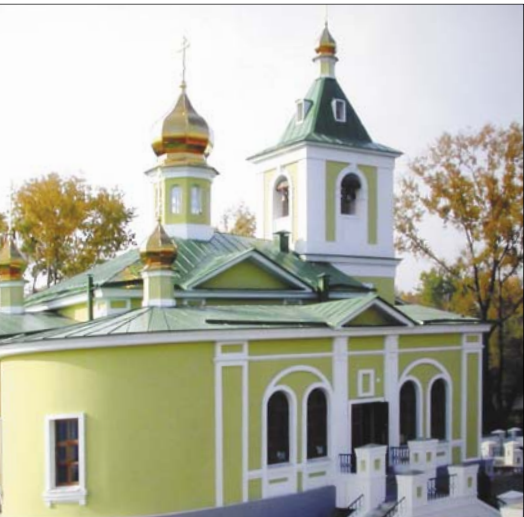
Да только ли иркутские православные дома в те далекие годы постигла подобная горькая участь? В 30-е годы только с третьей попытки коммунистам удалось вернуть старинный Троицкий монастырь в Киренске, были разрушены железнодорожные церкви в центре Приангарья и в Ула-Уда, десятки, если не сотни других православных домов. Их горели и били через полуразрушенные стены, крестный дух простого люда и второе рождение некогда знаменитых церквей посчастливилось запечатлеть Ивану Гурову и трепетно передавать в многогранных философской глубинной фотографии на долгую память землякам.

Рассказывая о своих работах, Иван считает, что ему просто повезло в жизни. Родители его жили в Максимовичи, работали на ферме и, как и все деревенские, зарабатывали очень мало. Однако когда

Что касается моего увлечения церковной тематикой, могу сказать лишь, что мой путь к храму был тернистым. По натуре я реалист, а тут еще отец, Петр Александрович, был из староверов и в детстве во время символического ритуала жертвоприношения, ему сильно порезали живот. Он получил серьезную травму и ненависть к церкви невольно передал и мне. Понадобились большие усилия и немало времени, чтобы перебороть это отчуждение. На счастье. У меня было много друзей из православных и благодарю им я все-таки пришел к вере. Постепенно тема православия стала сама проситься в фотообъектив. Что до планов, то очень хочу сделать альбом по православью восточной Сибири. И это будет не просто констатация фактов, а глубинная, серьезная работа, которая и станет моим вкладом в дело православия.

С каждым годом все больше церквей возрождаются и возвращается к иркутянам, все чаще радует души истинно верующих малиновый звон колоколов. Сегодня достраивается возрожденный храм святого Харлампия и Михаила Архангела и на одном из его куполов осенью прошлого года был установлен первый колокол. Основал храм один из открывателей русской Америки купец Югов. Впоследствии в нем венчался со своей нареченной Софьей Омировной адмирал Колчак, но в советские годы здесь разместили университетскую библиотеку, а двери сделали из православных старинных икон. Но сегодня уже не приходится сомневаться, что скоро в стенах ожившего храма к венцу пойдут десятки пар молодых иркутян, а затем сюда же понесут крестить своих первенцев. Возможно, их фотографии успеют попасть в фотоальбом Ивана Гурова.

Сергей Козырев, на фото автора – экспозиции Ивана Гурова

Непростая судьба «русского Леонардо»

В ЭТИ ДНИ в России вспоминали одного из самых ярких мыслителей «серебряного века», православного священника, философа и ученого поместного мирового масштаба – Павла Флоренского. 22 января исполнилось 125 лет со дня его рождения.

Свою жизнь он посвятил поискам истины, мечтая взаимно обогатить науку и веру. А его главный труд «Министры в геометрии» архиепископа Михаила Булгакова на блистательный финал романа «Мастер и Маргарита», где скачка вычитки описана по законам, выданным из книги Флоренского в «русского Леонардо» была непростая судьба.

Он был загадкой даже для своих современников. По большому счету, остается бы и сейчас. Опередив, по собственному признанию, время на полвека, Павел Флоренский так и не стал своим для эпохи, в которую творил. И лишь немногие, как философ Сергей Булгаков, еще при жизни называли его «русским Леонардо».

Еще студентом Флоренский формулирует новый универсальный математический закон прерывности. Свое открытие он применяет во многих сферах – от филологии до медицины. Но знание ради знания сам Флоренский еще с юности считал неполным. В 24 и 30 лет он обогатит науку и веру – вот его мечта. Для ее осуществления Флоренский переезжает в Московскую духовную академию. Там, еще будучи студентом, преподает философию, а впоследствии редактирует знаменитый «Богословский вестник». В стенах академии Флоренский публикует свой главный философский труд – «Стоп и утверждение истины».

Революция 1917 года для Флоренского, как и для многих людей его круга, стала личной трагедией. «Все, что приходило кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, вся надежда, вызывая ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не попрехнем, вяло и с оглядкой, а, нагло подхватившись, обратятся к идее России» – писал он.

С верой в Россию Павел Флоренский жил и в советское время, продолжая добрую традицию Родины. Подобно средневековым энциклопедистам, он берет за все в веде успевае. Редактирует Техническую энциклопедию, участвует в воплощении плана ГОЭЛРО и изобретает карболит – первую советскую пластмассу. Это и другие его открытия послужили укреплением обороноспособности страны.

В эти же годы Флоренский буквально спасает от разгрома сокровища лавры. В Сергиевом Посаде он работает научным секретарем и хранителем ризницы. Большевики пытались уничтожить священника в попытке создания православного Ватикана. Он был арестован.

Со своим народом отец Павел Флоренский оказался и в сибирском лагере «Свободный», и позже, на Соловках. Но даже там продолжал трудиться на его благо. Десять из тридцати изобретений русского Леонардо посвящены за колочей проволочкой. Это и метод строительства в условиях вечной мерзлоты – по нему возводили города на Крайнем Севере, – и уникальный препарат йод-актин – его и сейчас с успехом применяют для лечения лучевой болезни.

Его творения как воздух были нужны стране, но сам он оказался лишним. В 1937 году, в результате доноса, в его деле появились четыре страшные буквы КВМН. К высшей мере наказания.

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛОСОФ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Внук Павла Флоренского – тоже Павел Флоренский, профессор Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина, одновременно возглавляет рабочую группу по чудесным явлениям при Богословской комиссии Русской православной церкви. Недавно вернулся из Ватикана, где в часовне, построенной специально для нового папы римского, есть, оказывается, мозаика с изображением православного священника Павла Флоренского – как мученика за христианскую веру. Павел ФЛОРЕНСКИЙ рассказал о своем знаменитом деде.

– Когда Ваш дед после окончания физико-математического факультета МГУ вместо докторантуры принимает решение поступить в Духовную академию в Сергиевом Посаде, как отнеслись к этому его близкие, и в первую очередь семья?

– Как отнеслись? Как в трагедии, в общем-то. Для меня это было очень тяжело. Прабабушка даже написала ему, что вот ты уйдешь в священники, уйдешь в деревню, женишься на простой девушке, и все твои амбиции как ученого закончатся.

Как отнеслись окружающие? Это был шок. В архиве сохранилось письмо киевского студента, который пишет в том духе – как Вы могли завязать этим почти мракобесием, когда Вы, ученый, подавали такие надежды? Надо сказать, что конфликт науки и религии мы притрагивали с Запада – из Реформации, когда наука откололась от религии. Первый контакт между интеллигенцией и Церковью – в широком смысле слова – наладил великий философ Владимир Соловьев. Он переключил мост между интеллигенцией и христианством.

– После революции многие уезжают, но Павел Флоренский остается и вполне успешно занимается в новую жизнь. Как это объясняется?

– Дело в том, что о неизбежности перелома говорили многие. Деда полагают, что в развитии цивилизации падос Возрождения сменяется пафосом того, что называется Средневековьем. Он считал, что в XX веке наступило световое радостное Средневековье.

Философы П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков. Картина художника Михаила Васильевича Несторова, Государственный Третьяковский галерея

– Как в Вашей семье сохранились традиции, запозненные дедом?

– Я вырос в Загорске: в доме были иконы, висели его портреты, хранились книги. Библиотеку вывезли и уничтожили чехисты, а вот рукописи все чудесным образом сохранились. Он знал себе цену и берал абсолютно все – клочки бумаги, записки. Я начал заниматься его наследием еще в 1962 году – просто переписывал письма деда и отдавал их переключать. Сегодня издано в 3 или 4 раза больше его работ, чем при жизни. Это усилие его сына Кириллы Павловича и двух внуков – меня и внука Андроника (Трубанова). Павел Флоренский соединил своей жизнью религию и науку, церковь и интеллигенцию. Деда Господь провел через страдания и дал ему великую возможность считаться перед Ним. И перепотомками: вот этот том писем из Дальневосточного и Соловецкого концлагерей – тысяча страниц, обращенных к нам...

– Сочетание занятий наукой и религией в Вашей семье тоже стало традицией?

– Это нормальное не столько занятие, сколько состояние русского православного человека. Среди нас не было диссидентов. Никогда. Мы все служили, а не занимались антигосударственной деятельностью. Я был на чеченской войне, на абхазской. Вместе с коллегами мы написали «Наша земля правду о войне. Шесть семья была издана связана с Кавказом. Семья моего деда жила в Тифлисе, а прапрадед и прадед трудились в различных регионах Кавказа – первый как военный врач, второй – как строитель дорог и мостов.

– Вы изучаете природу чудесных явлений. Можно ли объяснить, почему в наше время так много сообщений о всевозможных чудесах?

– Во-первых, время такое – так надо. Во-вторых, интерес к Церкви, к религии. И сложное морально-кризисное положение общества. Мы на сильном распустье... – Как нужно относиться к чуду?

– Чуда надо всегда ждать. Но помнить, что случится оно, не когда ждешь, а когда надо. А относиться, как и ко всему нас окружающему, – радостно и благоговейно. Ведь, по сути, вся жизнь – чудо.